

САНЖА БАЛЫКОВ.

СИЛЬНЕЕ ВЛАСТИ

(Из выходящего в скором времени сборника калмыцких бытовых рассказов)

Когда ночь воровски накроет спящую землю толстым слоем сыпучего снега, и тихим, ясным, морозным утром подымается солнышко,—красотой величественной сверкает степь! Бескрайней белой парчей, горя на солнце мириадами искрящихся снежинок, расстилается она перед вами, сливаясь вдали с серо-голубым небом. Оцененев, молчит холодный простор, сверкая немой красотой...

Любит в такое утро старый Бамбурнойон оседлать рыжего Аранзала и выехать в степь один, без собак, без соколов и слуг. На боку—лук. Колчан, полный стрел,—за плечами. Увесистая плеть—в руке. Он любит сам выследить зверя, вихревым бегом коня догнать его, и метким ударом плети сшибить, или высоко поднявшуюся птицу снять меткой стрелой.

Белым паром в радуге вьется мороз вокруг морды коня, ледяными иглами колется в редкие усы Бамбурнойона, но волчья шуба его греет, как утроба матери. Распахнул старый нойон давящую шубу, сквозь тонкий, розовый стеганный кафтан ощущая свежее дыхание степи. Вокруг, насколько хватает глаз,—ни души. Вдохнул всей грудью Бамбурнойон и взглянул на небо: высоко, в поднебесьи, маленькой черной лодочкой кружился над ним степной коршун.

— Не достать!.. высоко-о!—подумал старый нойон, слезая с коня. Снял он с пояса лук, наложил дальнолетную стрелу и опустил на одно колено. Откинувшись назад, изо всей силы натянув тетиву, сплетенную из вычесок девичьих волос, старик стал целиться. Невидимые молнии прищуренных глаз сковали птицу на миг в одном месте; скрипнули оскаленные желтовато-белые зубы, и коротко и нежно свистнула пущенная стрела.

Бамбурнойон, не вставая, следил за птицей. „Раз, два, три, четыре“—успел мысленно сосчитать старик, и затрепетала, вдруг, птица в вышине, перевернулась раз и, накрываясь, пошла вниз. Огнем удовольствия заискрились глаза старого охотника.

Но птица скоро оправилась, выравняла крылья и, как будто ничего не случилось, стала снова забирать вверх, погружаясь в серо-голубую муть.

— Чуть зацепил, значит; старею, нет уж бывлой меткости в глазах и крепости в руках—грустно, подумал старик, снова садясь на коня.

Сухой, чистейший снег, на целую четверть покрывший землю, легкими брызгами пылится под ногами коня и радугой короткой играет на солнце. Любо по такой степи пустить коня широким шагом и, мурлыча в нос песню о воле степной, ехать—куда глаза глядят.

Не проехал и пятидесяти локтей Бамбурнойон, как увидел на снегу алую каплю крови, точно рубин, сброшенный богам с неба на украшение белоснежного бархатного покрывала земли. Сочетание сверкающей белизны и свежей алой крови так понравилось старику, что он, придержав коня, долго любовался. Наконец, он тихо промолвил:

— Ху, как это красиво!.. Если бы увидеть женщину с такой белой кожей, как этот снег, и щеками алыми, как эта капля крови!..

* * *

Там и сям, в затишке камышевых зарослей, устья Волги, притаился большой нойонский хотон. Дымятся, покрытые снегом, белые, кибитки. Несмотря на тугой мороз, по свежепротопанным стезжкам между кибитками бегают дети в белых нагольных шубах и ушастых меховых шапках; лают и катаются на снегу собаки.

Нойонская кибитка в хотоне самая большая. Она сложена из двенадцати колен, двойной полостью обшита, волчьими шкурами внутри устлана. Трещит сухой камыш под таганком. На нем клокочет котел.

После бодрящей верховой прогулки возвращается в свою ставку Бамбурнойон. Подъезжая к своей кибитке, уж издали чует старый степняк аппетитный запах сытой варящейся баранины. Отдав ко-

вы выбежавшему из людской кибитки копыту. Бодрыми шагами направился он в свою кибитку.

Только он хотел откинуть наружную тяжесть двери, как навстречу ему, растворив внутреннюю дверь, выпорхнула его невестка—жена младшего сына Данзана—восемнадцатилетняя Сяхиндя. Машинально бросил старик равнодушный взгляд на невестку и, ахнув про себя, застыл на месте в немом восторге:

Снежной белизной светилось ее лицо, ажной алой кровью горели пухленькие щеки, а глаза, как незамерзший родник в снегу, сияли черным огнем, и стройный ряд мелких белопенных зубов сверкал улыбкой меж тонких, румяных губ. Сяхиндя была мала ростом, но тонка и стройна, как молодой горный тавалжан...

Уж год скоро, как взяли мы Сяхиндю в дом, а до сего момента я не замечал ее красоты. Снег и кровь коршуна на нем—это в сравнении с этой живой, огневой красотой,—думал он уже в кибитке, скинув с плеч волчью шубу. В остывающем сердце старика неожиданно затеплилась искра восхищения женской красотой. Так всегда, из под кучи остывшей золы на очаге начинает дымить притаившийся где-то в веротухший огонек.

Не прошло с того дня и недели, как Сяхиндя со страхом и изумлением замечала, что старый нойон начинает явно выделять ее в семье. При обращении к ней свекра горели большей лаской, чем это полагается. Было страшно молодежи от такой необычайной любви, но порой, в глубокотайнике своего сердца, она ловила что-то приятное от того, что старик и патриархального степного властелина влечет к ней сила неудержимой любви. Мужа же своего, лихого наездника, силача и красавца Данзана, она любила всей силой первогодней любви и была ему верна.

Старалась Сяхиндя поменьше попадаться на глаза свекру. Видно было, что и пятидесятилетний старик борется с собой, чтобы скрыть свои чувства к невестке. Но любовь—что пал степной в сухое лето: раз загоревшись, всепожирающим, пламенем ширится он, пока не сожжет все или не дойдет до преграды несгораемой. Сильна власть свекра в калмыцкой семье. Помимо своей воли, все чаще и чаще звал старый нойон младшую невестку для различных мелких услуг...

Ухаживанья Бамбур-нойона за Сяхиндью делались все настойчивее.

* * *

После долгой зимы расцвела степь. Естрым пахучим ковром покрылась она. Бунами калмыцких лошадей, гуртами

скота, тысячными отарами овец и верблюдами, вернувшимися из камышевых зарослей травянистых займищ Волги, Кумы, Кубани и Маньча, заполнилась степь.

Полилась весенняя река, забродил крепкий кумыс. Все улыбается и цветет весной ярким цветом в степи. Купаясь в солнечных лучах, льет песни неумолчный жаворонок. Звенит и гладит душу песня молодницы у воды; вторит ей издали молодой табунщик в степи...

Неудержимым потоком рвется любовь Бамбур-нойона к красавице Сяхиндя. Все забыл старик, на все махнул рукой. Отческие обязанности к невестке и сыну, старинные национальные традиции, крепкие степные обычаи—все поправа поздняя любовь. „Закрыв уши от слухов ползучих, зажмурив глаза от взоров укоризненных“, одному только отдался старик—добиться любви Сяхиндя...

В белом шелковом халате, на разостланном перед кибиткой ковре лежал, греясь на солнце, Бамбур-нойон, когда легкая и стройная, как степная серна, змеясь тонкой талией, прошла мимо него Сяхиндя, направляясь в свою кибитку. Глубоко вздохнул вслед ей старый нойон, сильнее задымил трубкой черного дерева и, спустя некоторое время, встал и пошел за ней.

Звездой восточной сияя красотой, сверкая в зеркале полуоткрытой грудью и обнаженными руками, в легком зеленом цедгике поверх белой сорочки, собиралась она расчесывать волосы, распустив их двумя волнистыми, длинными, блестящими черными пучками, когда неожиданно вошел в ее кибитку свекр.

Побледнела Сяхиндя от такого нарушения правил приличия, и поспешила накрыть голову расшитым золотом бархатным джатаком, говоря:

— Я причесываюсь, отец; вам нельзя сюда!

— Сяхиндя, деточка чудная, ты можешь не накрывать голову—заговорил Бамбур, перебивая ее.

— Что говорите? Где такой закон, чтобы невестка показывала свекру непокрытую голову и причесывалась при нем?—отвечала Сяхиндя.

— Деточка, законы и обычаи создают ханы и нойоны, они же могут их нарушать и изменять...

— Ошибаясь говорите, отец. Ханы и нойоны меняются, умирают, а законы и обычаи народа вечны, они сильнее власти; обычаи народа умирают только с народом,—вся всдыхнув, заговорила молодница.

— Деточка моя, ты прекрасна... тебе бы миром править... я потерял покой, я мучаюсь. Полюби меня, всю степь приведу к твоим ногам, все препятствия устраню,—душаюсь словами, заговорил Бамбурнойон, приближаясь к невестке.

— Не говорите так, отец! Грех мне резко вам отвечать, но... вы—первый хранитель наших законов—взяли в голову безумные мысли. Не позорьте ваш род. Возьмите в руки ваше сердце. Вы—первый муж в степи—поддаетесь шалостям маленького, с серого воробышка, сердца!?

Помните, когда глава народа роняет обычаи вековые, то и народ перестает их чтить. Откуда у вас такие греховные мысли, куда девался ваш просторный ум!?

Распахиваясь, скрипнула вдруг дверь. С горящими, как у затравленного волка глазами, ворвался в кибитку Данзан. В кибитке настала тугая тишина.

Потухнув взором, старческой походкой вышел из кибитки отец, съеживаясь под буравящим взглядом сына.

В степи начинался великий раздор.

